

Четвергъ 13-го Марта 1914 г.

Обозръніе

ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто съ петербургскихъ театровъ

ПЕЧАТЬ

Чеховъ и Художественный театр.

Въ новомъ альманахѣ «Шиповника», выходъ котораго ожидается на дняхъ, будутъ напечатаны воспоминанія о Чеховѣ и его отношеніи къ Московскому Художественному театру.

Антонъ Павловичъ пріѣхалъ въ Москву. Художественный театръ поставилъ «Чайку» специально для него.

Авторъ былъ единственнымъ зрителемъ на спектакль. Не всѣ исполнители, однако, поправились автору, несмотря на то, что спектакль доставилъ ему большое удовольствіе. Не поправился ему, между прочимъ, и актеръ Сулержицкій.

— Вы же прекрасно играете, — сказалъ онъ ему, — но только не мое лицо. Я же этого не писалъ.

— Въ чемъ же дѣло? — спрашивалъ смущенный актеръ.

— У него же клѣтчатые панталоны и дырявые башмаки.

Больше ничего Антонъ Павловичъ не пояснилъ, несмотря на настойчивыя просьбы Сулержицкаго. Онъ всегда высказывалъ свои замѣчанія въ такой краткой и образной формѣ. Они вѣзались въ память и запомнились артистами. Запомнилъ сдѣланное замѣчаніе и Сулержицкій. Въ другой разъ А. П. сказалъ еще одну фразу: «Клѣтчатые панталоны и сигару курить вотъ такъ», — показавъ онъ жестомъ.

Исполненіе одной роли Чеховъ осудилъ жестоко, и потребовалъ немедленнаго отобранія роли. Онъ не принималъ никакихъ извиненій и грозилъ запретить дальнѣйшую постановку пьесы. «Пока рѣчь шла о другихъ роляхъ, — рассказываетъ Сулержицкій, — онъ допускалъ мнѣ шутку надъ недостатками исполненія, но стоило заговорить объ этой роли, какъ Антонъ Павловичъ сразу мѣнялъ тонъ и тяжелыми ударами билъ безопадно.

— Нельзя же, послушайте. У васъ же серьезное дѣло, — говорилъ онъ.

Всю весну Антонъ Павловичъ ежедневно ходилъ на репетиціи въ Художественный театръ, и, повидимому, хорошо себя чувствовалъ среди актеровъ. Онъ любилъ театръ, но не выносилъ пошлости. И стоило появиться въ театрѣ какой-нибудь личности, не нравившейся ему, какъ онъ торопился уйти: — «Мнѣ нужно, позвольте, меня ждутъ», и онъ уходилъ домой, усаживался на диванъ и думалъ.